

– подборка двадцать шестая –

ВОСПОМИНАНИЯ
праведной ребецн
Ханы,

да упокоится она с миром,
супруги праведного раввина, гаона и хасида, каббалиста,
нашего учителя

рабби Леви-Ицхока,

да будет память святого праведника благословенна,
да упокоится он с миром,
и да будет нам защитой его заслуга

матери святого ребе,
нашего господина и учителя

рабби Менахема-Мендла,

да будет память святого праведника благословенна, да упокоится он с миром,
и да будет нам защитой его заслуга,

Шнеерсона

из Любавича

MEMOIRS
OF
REBBETZIN CHANA SCHNEERSON
INSTALLMENT 3

Published and Copyrighted © 2011

by

KEHOT PUBLICATION SOCIETY

770 Eastern Parkway / Brooklyn, New York 11213

(718) 774-4000 / Fax (718) 774-2718

editor@kehot.com

Orders:

291 Kingston Avenue / Brooklyn, New York 11213

(718) 778-0226 / Fax (718) 778-4148

www.kehot.com

All rights reserved.

The Kehot logo is a trademark of Merkos L'Inyonei Chinuch.

Manufactured in the United States of America

Отпечатано в России

Перевод подготовлен в издательстве «Лехаим», Москва

Предлагаем вашему вниманию 26-й выпуск «Воспоминаний», записанных праведной ребецн Ханой, матерью Ребе¹. Да будет воля Всевышнего, чтобы это добавление в «распространении источников наружу» привело к подлинному и полному Избавлению с приходом нашего праведного Мошиаха, буквально в ближайшее время.

Издательство «Ойцар га-хасидим»

25 нисана 5772 года

Бруклин, Нью-Йорк

¹ Перевод с идиша Цви-Гирша Блиндера. Дополнительная информация о настоящем издании — в предисловии к 1-му выпуску.

Воспоминания ребецн Ханы Шнеерсон

С Б-жьей помощью, среда, пост Гедаљи, 5708 года (17.09.47 г.)²⁴⁵

Не писатель я и не дочь писателя, и мое желание — просто записать немного из воспоминаний о моем муже, да будет память о нем благословенна, — о нескольких последних годах его жизни.

У меня были сомнения, смогу ли я справиться с этой задачей, — по двум причинам. Во-первых, получится ли вообще передать на бумаге то, что хранится в памяти. Во-вторых, найдется ли у меня столько спокойствия, сколько требует такая работа.

[14 кислева 5709 года]

* * *

Раввину во всем можно доверять!

История, которую я сейчас расскажу, произошла, как мне кажется, в 1935 году. Тогда в городе оставались открытыми лишь два небольших *бейс-мидраша* — один на окраине, другой в центре. Поскольку руководство общины в синагоге в центре и большинство молящихся там составляли рабочие и ремесленники, здание это власти пока не отобрали. В синагоге в центре города стал молиться мой муж. *Габаем* там был портной, казначеем — сапожник, у большинства молящихся был примерно такой же род занятий. Они устроили свое маленькое «царство» и управлялись с синагогой, насколько это было в их силах.

Когда раввин Шнеерсон²⁴⁶ начал там молиться, к нему стали обращаться многие люди, принадлежащие к совершенно иным социальным группам. С таким наплывом людей руководству общины справиться было значительно сложнее. Тем не менее, крайне важно было сохранить за ними их должности, чтобы синагога формально оставалась под «пролетарским» управлением. Конечно, о работе общинного руководства рассказывали немало курьезных историй, но это по тем временам было не столь

²⁴⁵ Дата написания записок, указанная самой ребецн.

²⁴⁶ То есть р. Леви-Ицхок.

существенно по сравнению с возможностью еще ненадолго уберечь здание синагоги от конфискации...

Что касается раввина, то члены общины часто говорили о нем с чувством глубочайшего уважения. Раньше они его не знали, но, познакомившись ближе, признали «хорошим евреем», который даже и не думает о том, чтобы «сговариваться с буржуями», и вообще — ему во всем можно доверять!

Хазаны на Дни трепета

В то время в России практически не осталось *хазанов*²⁴⁷. Однако в месяце тишрей откуда-то вдруг появлялось множество людей, так или иначе связанных с традиционной еврейской музыкой и знакомых с порядком молитв. В большинстве своем это были служащие государственных учреждений, которым по закону полагался ежегодный месячный отпуск, и они изо всех сил старались, чтобы отпуск совпал с месяцем тишрей еврейского календаря. Так они получали возможность поехать в какой-нибудь другой город (в своем показываться рядом с синагогой не всегда было безопасно), где нанимались в качестве *шалиах цибуур* на праздники. Эти люди молились от всего сердца, изливая все, что накопилось в течение года... Им обычно хорошо платили, но тайно, официально же они получали некую минимальную сумму, которая по закону не облагалась налогом.

В том году в Екатеринослав, с целью наняться *хазаном* на Дни трепета и праздник Суккос, приехал еврей из Москвы, который в течение года пел в оперном театре, считался одним из лучших артистов и соответственно этому выглядел и одевался. Одновременно с ним приехал еще один еврей, который видом своим гораздо больше походил на *шалиах цибуур*, несмотря на то, что в течение года работал бухгалтером в одном из государственных учреждений. Он неплохо пел, был достаточно сведущ в Торе и происходил из известной семьи — его дед был раввином в Славуте²⁴⁸.

Впрочем, и оперный певец, кажется, мог похвастаться знаменитым дедом — рабби Аврагамом²⁴⁹ по прозвищу «Малох» («Ангел»), который похоронен в Фастове под Киевом. Фамилия

²⁴⁷ *Хазан* (или *шалиах цибуур*) — ведущий общественной молитвы в синагоге. Термин «хазан», как правило, используется для обозначения человека, который произносит слова молитвы на определенную мелодию, в первую очередь в Дни трепета (праздники Рош га-Шона и Йом Кипур).

²⁴⁸ Вероятно, имеется в виду раввин и гаон рабби Моше Шапиро из Славуты, сын святого раввина рабби Пинхаса из Кореца и основатель знаменитой еврейской типографии в Славуте.

²⁴⁹ Сын рабби Дов-Бера, Магида из Межерича. См. «Бейс Ребе», часть 1, глава 25.

певца была Либер, и он утверждал, что такая же фамилия была у его деда²⁵⁰. Лицо его вместо усов и бороды покрывал грим, но он рассказывал хасидские *майсы*, которые слышал от деда. При этом голос певца выражал ту же сердечную боль, с которой эти истории рассказывали бы настоящие хасиды.

Оба *хазана* считали, что молиться и жить в соответствии с атмосферой месяца тишрей можно только находясь в еврейской среде. Услышав рассказы о раввине Шнеерсоне, они решили отправиться на праздники в Екатеринослав.

Приехав в город, *хазаны* пришли к моему мужу — не только для того, чтобы решить вопрос с оплатой их работы, но прежде всего с тем, чтобы поговорить об укреплении в молящихся их еврейских чувств, которые усиленно выкорчевывались советской властью. «За этим мы и пришли к вам, рабби», — сказали они.

В итоге оба *хазана* были наняты синагогой, в которой молился мой муж. Они вели в тот год общественные молитвы в Дни трепета и праздник Суккос. Моих писательских талантов абсолютно недостаточно для того, чтобы передать настроение, царившее в синагоге в те дни благодаря влиянию раввина и голосам наших *хазанов*! Могу лишь сказать, что большинство молящихся буквально изливали свою душу, обращаясь к Всевышнему...

«Да, евреи — они такие!..»

Даже в Рош га-Шона и Йом Кипур большинству евреев приходилось идти на работу, поэтому в Рош га-Шона мой муж устроил в синагоге так называемый «*первый миньян*», который закончил молитву к восьми утра. Прямо из синагоги молящиеся отправились по своим рабочим местам.

«*Первый миньян*» был устроен и на утренней молитве в Йом Кипур. В этот день многие молящиеся и после работы пошли не по домам, а опять в синагогу, чтобы успеть на *Неилу*²⁵¹. Во время этой молитвы синагога была переполнена, много людей стояло на улице рядом со зданием. Физически все они были изнурены суточным постом, к тому же многим приходилось преодолевать пешком значительные расстояния, чтобы попасть в синагогу. Душевное состояние их также было подорвано сознанием того, что они вынуждены были прервать молитвы и идти работать — в этот самый

²⁵⁰ Следует отметить, что внук Авраама «Малоха» рабби Авраам-Шломо бен Исроэль-Хаим из Лодмира был также и внуком р. Элизера-Либера «га-Годоль» («Великого») из Бердичева (ок. 5428/1668 — 28 мар-хешвана 5531/1770). Вероятно, именно фамилия р. Авраама-Шломо была Либер, и певец, о котором рассказывает ребецн, был его внуком и, соответственно, праправнуком Авраама «Малоха».

²⁵¹ Последняя из пяти молитв Йом Кипура, произносимая перед самым завершением поста.

святой день в году! Для многих это было невыносимо... Тем не менее, все сердечно благодарили моего мужа за то, что он предоставил возможность помолиться хотя бы ранним утром, но в *миньяне*. Разговаривая об этом с людьми, муж порой начинал так сильно плакать, что слезы ручьями текли по его лицу... С другой стороны, пробуждение еврейских чувств в людях доставляло ему глубокое удовлетворение, и муж не раз повторял с огромной радостью в голосе: «Да, евреи — они такие!..»

Особую же радость мужу доставляло то, что в тяжелое время, когда люди боялись даже разговаривать на темы, связанные с еврейством, ему удалось осуществить все это — не на словах, а на деле!

Не заканчивать пост раньше времени!

После полудня в Йом Кипур моему мужу пришлось начать «дипломатическую работу» по организации порядка и времени двух последних молитв праздника — *Минхи* и *Неилы*. Нельзя было заканчивать их слишком рано, чтобы люди не стали расходиться из синагоги. Это могло привести к тому, что некоторые начали бы есть еще до окончания поста — ведь в синагоге молились самые разные люди, и не все из них одинаково строго соблюдали запреты Йом Кипура (кстати, в других синагогах молитвы и в самом деле закончились раньше, чем у нас). Чтобы избежать этого, мой муж постоянно указывал *хазану*, как именно тот должен вести молитву. В итоге *Неила* началась так поздно, что пришлось молиться практически без песнопений.

Один из молившихся в нашей синагоге ремесленников считал себя человеком ученым, знатоком еврейских книг, это мнение разделяли и его друзья. Этот еврей был сильно недоволен тем, что мой муж «задержал» молящихся до столь позднего времени, и начал кричать на него прямо от двери, даже не взяв на себя труд подойти к его месту у восточной стены синагоги. Этот человек назвал мужа «бунтовщиком», который ведет себя так же, как его предок²⁵², попавший в свое время в «острог» по причине внутриеврейских споров...

Понятно, что все это сильно потрепало и без того напряженные нервы моего мужа, тем более что так считали многие из тех, кто приходил в синагогу. И если более воспитанные держали свое мнение при себе, то люди попроще выражали его в открытую. Тем

²⁵² Рабби Шнеур-Залман из Ляд (Алтер Ребе).

не менее, муж все время повторял: он счастлив, что ему удалось добиться, чтобы евреи не делали того, что им запретила Тора.

На исходе Йом Кипура

Придя домой на исходе Йом Кипура, мой муж не мог сразу погрузиться в «будничный мир» (так он вел себя всегда — и в те дни, когда еврейская жизнь существовала в относительно просторных рамках, и тогда, когда даже в своих *арба амойс*²⁵³ человек не мог жить согласно законам Торы). Хотя было уже поздно, он, выпив лишь стакан чая, сел в той же одежде, в которой провел Йом Кипур (в белом *китле*, препоясанном *гартлом* Цемах Цедека²⁵⁴), — и устраивал хасидский *фарбрэнген* до двух-трех часов ночи! В нем участвовали только самые близкие люди, хорошо нам известные. После поста они сначала отправлялись по домам и устраивали трапезы для себя и своих семей, а потом приходили к нам. Муж учил с ними *хсидус*, кое-что из законов молитвы, а в последние годы много говорил о величии евреев и их самопожертвовании ради еврейства, о любви к ближнему и ее особом значении в эти непростые времена...

Кроме изучения Торы, на фарбрэнгене танцевали. Веселье было такое, словно это не исход Йом Кипура, а праздник Симхас Тойре, только уменьшенный — всего на десять-пятнадцать человек.

Симхас Тойре

Вскоре после Йом Кипура наступил праздник Симхас Тойре. Евреи, которые хотели праздничного веселья, собирались со всего города в наше скромное жилище. (Большую квартиру у нас конфисковали в 1929 году²⁵⁵. Так как тогда в городе еще официально действовала еврейская община, она выстроила нам на частном земельном участке небольшой домик — всего три комнаты. По тогдашним законам мы не имели права жить ни в каком другом

²⁵³ Буквально «четыре локтя»: пространство, занимаемое человеком. См. также сноску 178 в 17-м выпуске «Воспоминаний».

²⁵⁴ Цемах Цедек — третий Любавичский Ребе. В книге «Ликутей Леви-Ицхок», «Игроис койдеш» на стр. 207 приводится письмо р. Леви-Ицхока, в котором есть такие слова: «Мой пояс, принадлежавший ранее Ребе Цемах Цедеку, благословенной памяти, да защитят нас его заслуги, *омейн...*»

²⁵⁵ Еще до свадьбы сына рабби Леви-Ицхока и ребецн Ханы, Менахема-Мендла (будущего седьмого Любавичского Ребе), которая состоялась в кислеве 5689 года (ноябре 1928), у семьи Шнеерсонов отобрали половину квартиры (см. также 10-й выпуск «Воспоминаний»). Из рассказанного здесь выходит, что годом позже, в 1929-м, у них была конфискована и вторая половина, и им пришлось перебраться в упомянутые три комнаты (см. также «Толдойс Леви-Ицхок», часть 1, стр. 202 и дальше).

месте.) Вечером, после наступления темноты, к нам прокрадывались молодые люди. Поскольку в доме было тесно, а также из-за того, что многие из проходящих не хотели, чтобы их видели в доме раввина, люди заходили к нам «в несколько приемов», разрозненными группами... И со всеми проходящими мой муж устраивал такое веселье, что люди буквально забывали о том, в какое непростое время, в какой стране и при какой власти они живут!

Два *хазана*, о которых я рассказала выше, тоже участвовали в этом веселье. Отношение оперного певца к молитве и *фарбренгенам* кардинально изменилось. Приехал он в общем-то за заработком, но теперь его слова и песни исходили из самого сердца, воздействуя на всех, кто его слышал, пробуждая их еврейские души. Он говорил потом, что за такую его перемену следует благодарить моего мужа.